

Выборы без выбора: почему кампания 2026 года в Армении станет референдумом страха?

Комментарий эксперта, 22.05.2026

Норайр А. Дунамалян¹

Введение

Концепция относительной депривации (лишения), разработанная американским исследователем Т. Гарром и развитая Дж. Дэвисом, объясняет политическое поведение через разрыв между ожиданиями общества и его реальными возможностями. Чем сильнее ощущение того, что «должное» и «реальное» расходятся, тем выше уровень коллективной фрустрации (разочарования). Однако в постконфликтных обществах такая фрустрация не всегда приводит к протестной мобилизации. После прохождения определенного порога травмы она может производить обратный эффект – страх любых перемен, политическую апатию и стремление сохранить даже неудовлетворительный статус-кво.

Данный комментарий рассматривает парламентские выборы в Армении именно сквозь призму данной концепции.

От антирейтингов к пропаганде лишения

Парламентские выборы 2021 г. в Армении вошли в историю как кампания антирейтингов. Общество голосовало не столько «за» политическое будущее, сколько «против» возвращения прошлого. Победа Никола Пашиняна после войны 2020 г. выглядела парадоксальной лишь на первый взгляд: избиратель предпочел сохранение травматичного настоящего риску реставрации старой системы («ГД» – 53,9%, блок «Армения» – 21,0%, блок «Честь имею» – 5,2%). Это была эмоциональная, но вполне понятная логика выбора *меньшего из зол*.

К 2026 г. политическая природа выборов качественно изменилась. Если в 2021 г. ключевым механизмом мобилизации был взаимный антирейтинг политических элит, то сегодня Армения входит в новый электоральный цикл в состоянии глубокой экзистенциальной депривации (лишения) – разрыва между базовым ожиданием безопасности и реальностью, в которой эта безопасность была окончательно утрачена. Арцах (Нагорный Карабах) был не просто территорией – он являлся частью национального нарратива. Когда депривационная риторика апеллирует именно к этому пласту коллективной идентичности, она раскалывает общество не по политическим, а по экзистенциальным линиям. Такие расколы не преодолеваются сменой правительства – они воспроизводятся через поколения.

Главный парадокс армянской политики заключается в том, что экономические показатели перестали быть основным источником легитимности власти. На фоне роста ВВП и макроэкономической стабилизации общественное недовольство не сокращается, а, напротив, приобретает хронический характер (рост ВВП Армении в 2025 году – 7,2%;

¹ Кандидат политических наук, доцент. Автор более 30 научных работ и статей.

уровень недовольства курсом страны, по данным *IRI Global*, – свыше 50%). После событий 2023 г. армянское общество воспринимает обеспечение безопасности не как абстрактную функцию государства, а как фундаментальную основу коллективного существования. Когда этот фундамент разрушен, экономический рост не компенсирует потери: он лишь усиливает ощущение диссонанса между официальной статистикой и внутренним состоянием общества.

При помощи «мирной повестки» власть фактически одновременно формирует и ожидания, и реальность, используя их для конструирования ситуации лишения по принципу «если нас не будет – будет война». Аналогичная логика прослеживается и в риторике о «мирной повестке», где любое сопротивление «компромиссам» представляется как угроза новой войны, международной изоляции или экономического коллапса. Фактически избирателю предлагается выбор не между альтернативными моделями будущего, а между «плохим настоящим» и «неминуемой катастрофой».

Однако «пропаганда лишения» используется не только властью. Оппозиционные силы также апеллируют к страху утраты, но в иной форме. В публичное пространство систематически вбрасываются тезисы о «потере государственности», «тюркизации Армении», «сдаче суверенитета», «демонтаже армии» или «окончательном разрыве с Россией». В результате обе стороны выстраивают мобилизацию не вокруг позитивного образа будущего, а вокруг угрозы необратимой потери.

Таким образом, армянская политическая система постепенно переходит от конкуренции программ к конкуренции деприваций: каждая сила пытается убедить общество, что именно ее поражение приведет к наиболее болезненной форме утраты.

Угроза войны накануне выборов отзывается в обществе с многократным усилением, поскольку ожидания и реальная действительность по-прежнему далеки друг от друга. Несмотря на Вашингтонские договоренности от 8 августа 2025 г., развитие экономических связей с Азербайджаном и общую примирительную риторику, прочного мира – основанного на стабильных гарантиях – так и не возникло. Именно в этом вакууме гарантий формируется «пропаганда лишения».

Как результат, в Армении формируется модель «**негативной стабильности**». Ее суть заключается в том, что **граждане могут быть глубоко недовольны действующей властью, но одновременно боятся любых радикальных изменений сильнее, чем продолжения текущего курса.** Это качественно отличает ситуацию 2026 г. от 2021 г.: тогда общество еще сохраняло остаточную веру в возможность внутривнутриполитического перезапуска. Сегодня же доминирующим фактором становится усталость от постоянной мобилизации, кризисов и ощущения исторической неопределенности.

Две технологии предвыборной мобилизации: «пропаганда лишений» и раскол

Акцент на «лишении» мира, развития, стабильности или иных благ институционализирует раскол общества, формируя особый тип политических отношений. В Армении складывается ситуация, при которой консолидация общества на

основе текущей или исторической повестки практически невозможна, а призывы к объединению неизбежно оборачиваются «выдавливанием» определенных групп несогласных. Если власть использует депривацию как инструмент управления, то оппозиция получает зеркальное право использовать ее против власти. Общество начинает объяснять свои проблемы не обстоятельствами, а врагами – внешними или внутренними. Это классический механизм трайбализации, при котором общество расщепляется на множество замкнутых групп, неспособных к конструктивному диалогу.

По всей видимости, действующий премьер-министр РА Н. Пашинян пытается извлечь выгоду из существующего раскола в обществе, сосредоточившись на 15–20% электората, готового стабильно его поддерживать. Перед выборами используется та же технология, что и в 2021 г.: политическое пространство наводняется новыми искусственными противоречиями, провоцирующими часть протестного электората на отказ от участия в выборах. Примитивизация политики позволяет при необходимости нацеливаться на любую аудиторию: беженцев из Арцаха, представителей малого бизнеса, молодежь, армянские общины Диаспоры. Характерно заявление Пашиняна о том, что блок «Армения», партии «Сильная Армения» и «Прорывающая Армения» не должны пройти в парламент. Фактически это является попыткой **переопределить границы допустимой оппозиции** еще до начала подсчета голосов.

С другой стороны, «пропаганда лишения» становится новым инструментом привлечения тех групп, которые не являются сторонниками власти, но фактически выступают за уже упомянутую «негативную стабильность». По данным социологических опросов, около 40% избирателей сохраняют статус «неопределившихся» – и именно от их решения зависит итоговый исход 7 июня. Проблема, однако, состоит в том, что комбинация общественного раскола и «пропаганды лишения» ведет к планомерному разрушению образа общего будущего. Постоянная фиксация на замене одних ожиданий другими не предлагает каких-либо ощутимых перспектив, а лишь обещает предотвратить худшее. В такой среде консенсус о том, куда двигаться, становится практически недостижимым, поскольку расколотые группы не способны договориться даже о базовых вещах: что именно уже потеряно и кто несет за это ответственность.

На этом фоне усугубляется фрагментация оппозиционного поля. К выборам 7 июня зарегистрированы 19 политических сил – 17 партий и 2 блока. Пропорциональная система с 4%-ным барьером для партий и 8%-ным – для блоков стимулирует конкуренцию за узкие сегменты протестного электората. В такой модели отдельным лидерам зачастую выгоднее сохранить собственные 4–10% и парламентское присутствие, чем рисковать объединением вокруг единого центра силы. В результате общественное недовольство расплывается между несколькими полюсами и не превращается в единую альтернативу власти.

На этом фоне усиливается и внешнее давление. Экономическая зависимость, логистическая уязвимость и ограниченность внешнеполитического маневра превращают внутривнутриполитический кризис в инструмент геополитического воздействия. Любое ухудшение социально-экономической ситуации автоматически усиливает

запрос части общества на «стабилизатора». Однако армянское общество после 2022–2023 гг. не является однородным в своем восприятии внешних игроков: давление извне одновременно порождает как запрос на восстановление прежних связей, так и стремление к дальнейшему дистанцированию от них.

Вместо заключения

Выборы 7 июня 2026 года рискуют стать не борьбой альтернативных проектов будущего, а лишь механизмом фиксации общественной усталости. Если выборы 2021 года были попыткой определить, кто способен вывести страну из кризиса, то кампания 2026 г. все отчетливее напоминает **референдум о допустимом уровне страха**.

В подобных системах побеждает не тот, кто вызывает надежду, а тот, кто лучше управляет тревожностью общества. Армянское общество вошло в этот электоральный цикл с одним из самых высоких уровней коллективной травмы за всю постсоветскую историю страны. Депривационная риторика – будь то страх новой войны, угроза изоляции или окончательной исторической утраты – превратилась в несущую конструкцию армянской политики как таковой.

На этом фоне беспрецедентное европейское присутствие в Армении – от саммита Европейского политического сообщества до углубления диалога с ЕС – пока не меняет фундаментальную логику внутренней политики. Европейская интеграция также начинает включаться в систему депривационной мобилизации: обществу предлагают не столько позитивный образ будущего, сколько страх упустить «европейский шанс» или, наоборот, окончательно утратить стратегическую автономию.

Поведение России в данном контексте также невольно способствует воспроизводству существующей политической конструкции. Жесткая постановка вопроса о выборе между ЕАЭС и ЕС объективно усиливает внутриармянскую поляризацию и создает дополнительную почву для мобилизации против «внешнего вмешательства». В перспективе именно здесь может проявиться «молдавский сценарий» – включение евроинтеграции в новую конституционную рамку как дополнительного способа переопределения политической идентичности государства.

Именно это делает выборы 2026 г. в Армении не просто электоральным циклом, а тестом на способность постконфликтного общества выйти из состояния политической травмы. Главный вопрос заключается уже не только в том, кто победит на выборах, а в том, сможет ли армянский политический класс вновь говорить с обществом языком будущего, а не языком страха.